

**КОНФЕРЕНЦИЯ: «ЕВРОПА НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ – КОНТИНЕНТ БЕЗ
РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫХ ЛИНИЙ».**
Ноябрь 2000г., Рига, Латвия.

Аверчев Владимир (Россия) – советник президента НК «СИДАНКО»

**ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РОССИЙСКО-БАЛТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ И УРОКИ
ДЕСЯТИЛЕТИЯ**

Разумеется, трудно за короткое время сделать обзор эволюции политики в столь болезненно запутанной сфере, как человеческое измерение в отношениях России и Балтии, а оно в значительной степени сводится к проблеме русскоязычного населения в этих государствах и развитию процесса интеграции России и стран Балтии на Европу. Я попробую говорить о некоторых выводах и наблюдениях.

Первое. О российской стороне. Начиная с 92-го года, с распада Советского Союза, начала формироваться реальная российская политика. Это период самоопределения России в своих новых географических, политических и иных границах. Именно в это время очень большую роль в самоопределении российской политики, в том числе и внешней, играл компонент идеологический. Доминировала новая идеология – демократическая Россия в современном мире.

Именно в это время довольно внятным образом была сформулирована концепция об ответственности России за судьбу тех русских, которые волею судеб оказались за границами Российского государства. Мы все помним – тогда упоминалась цифра в 25 млн. соотечественников за рубежом. Фактически была четко сформулирована политика, при которой границы российского государства и границы того сообщества, за которое это государство берет на себя ответственность, не совпадали.

Отсюда и формирование особой политики в отношении соотечественников, которые оказывались составной частью внешней политики не только в традиционном смысле слова. Такое достаточно необычное понимание концепции двух границ было закреплено институционально, потому что в это время появляются специальные органы по делам СНГ, которые берут на себя, или, по крайней мере, декларируют, заботу о соотечественниках. Этот элемент декларативности получил особенно отчетливое выражение в парламентском измерении.

В Думе был сформирован Комитет по делам СНГ и связям с соотечественниками. Возникли и неправительственные организации типа Совета по делам соотечественников. То есть создавался целый институциональный механизм для того, чтобы реализовывать концепцию двух границ. Но на практике ничего из этого не получилось.

На практике под эту концепцию никогда не была подведена реальная материальная, ресурсная база. Если посмотреть на эту концепцию двух границ, убрав из нее чисто политический, идеологический компонент, то она совпадает с немецкой концепцией поддержки своей диаспоры в других странах. Во Франции тоже выразилось в системе французских институтов по всему миру. В России, в итоге, произошло фактическое вырождение этой важной составляющей российской политики.

Достаточно посмотреть на безрезультатность последней встречи Совета по делам соотечественников. Достаточно посмотреть на исчезновение соответствующих министерств в составе российского правительства. Достаточно посмотреть на российский бюджет, где деньги не выделяются на такого рода деятельность.

Но самое главное, что эта политика потерпела идеологическое фиаско. Потому что невозможно всерьез реализовывать такого рода концепцию, избирательно концентрируя внимание на проблемах соотечественников, скажем, в странах Балтии, и совершенно не вынося на уровень общественного обсуждения того, что происходит с русскими в бывших советских республиках в странах Азии.

Пожалуй, единственные составляющие этой концепции, которые выжили и сохранились, это мидовское и парламентское измерение. И здесь как раз российская политика развивалась наиболее удачным образом именно потому, что после того, как отпали другие составляющие, она стала развиваться только на европейском направлении. И стала развиваться, прежде всего, опираясь на ресурсы не России, а на ресурсы, как это не парадоксально, Европейского сообщества в широком смысле.

Таким образом, ресурсом проведения этой политики стало не бряцание российским оружием, что было бы нелепо и глупо и, даже, не экономические санкции, которыми Россия любила иногда угрожать (за исключением, правда, этой странной истории с транспортными тарифами, за которыми стоит не забота о соотечественниках, а лоббирование определенных коммерческих интересов в России), а опора на европейскую составляющую. Это европейское понимание ценностей, прав человека и национальных меньшинств. Это позиции европейских институтов и работа по защите прав соотечественников через европейские институты и опора на те документы, которые эти европейские институты принимали. И когда произошел этот перенос центра тяжести, именно тогда эта политика стала давать свои плоды.

Реальные изменения, которые происходили (я, в данном случае, говорю о Латвии, где сложилась самая тяжелая и драматичная ситуация; в Литве – отдельная история; в Эстонии – много похожих проблем) были направлены на преодоление реально существующей угрозы превращения Латвии в двухобщинное государство и делались, в основном, через европейские структуры. В этом смысле это была и европеизация российской политики. Это дало возможность требовать и настаивать на том, чтобы европейские ценности реализовывались по отношению к русским в Латвии, и чтобы это не сказывалось на ситуации внутри самой России. Мы знаем, что вступление в структуры Совета Европы в значительной степени продвинуло решение многих проблем, связанных с обеспечением прав человека в самой России.

Таким образом, здесь произошла трансформация, превратившая проблему судьбы русскоязычных в этих странах в проблему для европейских институтов, что является парадоксальным политическим ходом. Кроме всего прочего, это помогало самой России, Латвии и другим странам Балтии стать более европейскими.

Теперь скажу о том, что же происходило в Латвии. На первом этапе произошло, в определенном смысле, полное совпадение, полная гармония подходов сторон. Российская концепция двух границ и совершенно адекватное восприятие этой концепции здесь, но со знаком минус. Раз речь идет о концепции двух границ – значит, эти люди не входят в наши границы, они являются «пятой колонной» в Латвии, они являются угрозой для нашего суверенитета, потому что их центр лояльности находится в другом мире.

Но с довольно быстрым разрушением первоначальной идеи и ее обеспечения с российской стороны, рушилась и реальная возможность продолжать обеспечивать легитимность той политики, которая ориентировалась в Латвии на сепаратизм, на сегрегацию двух общин, которая здесь реально выстраивалась. Она теряла свою легитимность даже в глазах местного населения. Она бесспорно никогда не имела легитимности в глазах европейского сообщества.

Таким образом, под давлением всех обстоятельств, произошел очень существенный прогресс в изменении законодательства, связанного с получением гражданства, со статусом русского языка, с обеспечением социально-экономических прав. И сейчас, на мой взгляд, мы попадаем с этой точки зрения в довольно парадоксальную ситуацию.

Во-первых, одна из самых запутанных, самых болезненных внутривнутриполитических проблем Латвии обеспечивает такой высокий уровень публичной политики в этой стране, какого сейчас не встретите в России. Во-вторых, это та сфера, динамику изменений которой можно просчитать в цифрах на 10 лет вперед. Каков будет темп приобретения гражданства русскоязычными? Я думаю, это можно посчитать в цифрах – плюс – минус 5–10%.

Это значит, что мы можем посчитать в цифрах изменение состава электората. Это значит, мы можем точно просчитать, что будет происходить с трансформацией позиций политических партий по отношению к фундаментальным проблемам, включая проблему русскоязычного населения. Мой прогноз следующий, что по мере того, как будет расти численность русскоязычных в составе электората, позиции самых крайних партий по вопросу о статусе, о правах русскоязычных будут сближаться. На протяжении ближайших пяти лет эти позиции будут становиться все менее и менее различимыми, потому что политическая прагматика будет подталкивать к этому политиков. Сначала на уровне политического лицемерия, а потом и на уровне реального практического политического действия. И я думаю, что мерой продвижения и прогресса общества в Латвии в направлении реальной интеграции будет степень деполитизации этой проблемы. А что такое деполитизация? Это когда исчезают различия между партиями

по этому вопросу и, тем самым, это перестает играть роль фактора, на котором можно или приобрести, или потерять какие-то политические очки.

Мне кажется, что это оптимистический прогноз. К этому выводу подталкивает весь ход событий последнего десятилетия. Представляется, что приобретение русскими в Латвии полных политических прав приведет к тому, что эта проблема вообще перестанет быть, в какой бы то ни было степени, политической проблемой для политического класса этой страны. А это значит, что будет получен сильный стимул к преодолению того раскола, который существует в политическом классе. Это будет способствовать интеграции не только общества, но и политического класса Латвии через расширение участия в нем русских политиков.